

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/317332790>

• • •

Conference Paper · May 2017

DOI: 10.5281/zenodo.575875

CITATIONS

0

1 author:

[Viacheslav Hladky](#)

Space Law Association

11 PUBLICATIONS 0 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

Project Problems of Law in Ukraine and Europe [View project](#)

Project Space Law (Международное космическое право) [View project](#)

МАТЕРІАЛИ В МІЖНАРОДНОЇ
НАУКОВО-ПРАКТИЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ
**«ЮРИДИЧНІ НАУКИ:
ПРОБЛЕМИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ»**
(19-20 травня 2017 року)

Частина II

Івано-Франківськ
2017

УДК 34(063)
ББК 67я43
Ю 70

Юридичні науки: проблеми та перспективи. Матеріали
Ю 70 V Міжнародної науково-практичної конференції (м. Івано-Франківськ,
19-20 травня 2017 року). У 2-х частинах. – Херсон : Видавничий дім
«Гельветика», 2017. – Ч. 2. – 128 с.
ISBN 978-966-916-294-6

У збірнику представлені матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції «Юридичні науки: проблеми та перспективи». Розглядаються загальні питання історії та теорії держави та права, конституційного, муніципального права, цивільного, господарського, адміністративного права та процесу, фінансового, інформаційного, кримінального, кримінально-виконавчого права, кримінології, а також питання кримінального процесу, криміналістики, судової експертизи та інше.

Збірник призначений для науковців, викладачів, аспірантів та студентів, які цікавляться юридичною наукою, а також для широкого кола читачів.

УДК 34(063)
ББК 67я43

ISBN 978-966-916-294-6

© Колектив авторів, 2017
© Видавничий дім «Гельветика», 2017

Гладкий В.В.
магістр права,
Высшая менеджерская школа в Легнице

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ В СВЕТЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В мировом Индексе восприятия коррупции (*CPI*) за 2016 Украина получила 29 баллов из 100 возможных, заняв вместе с Россией 131 место из 176 позиций [1, р. 6–7]. В то же время, по результатам исследования, проведённого в т.г. аудиторской компанией *Ernst & Young*, наше государство оказалась на 1-м месте (в 2015 г. – на 7-м) по уровню коррупции среди 41 страны ЕМЕІА. Контраст показателей восприятия коррупции (по *CPI-2016*) в Украине (29 баллов) и других цивилизованных европейских стран (Бельгия – 77, Финляндия – 89, Дания – 90 баллов), указывает как на то, что Украина является европейским государством не ментально, а, увы, территориально, так и на крайнюю неэффективность современной антикоррупционной политики в нашем государстве. При этом, обратим внимание на то, что с 2014 г. законодателем был пересмотрен институциональный вопрос противодействия коррупции путём последующего учреждения специализированных антикоррупционных органов, результаты деятельности которых и по сегодняшний день остаются дискуссионными: с одной стороны, например, НАБУ активно занимается противодействием коррупции, а, с другой – данные *CPI-2016*, а также иные экспертные исследования указывают на то, что специализированные антикоррупционные органы характеризуется избирательным подходом к определению подозреваемых в коррупционных преступлениях и политической заангажированностью в противодействии коррупции. Особую обеспокоенность вызывают резонансные случаи коррупции в самих антикоррупционных органах власти, а, прежде всего, в НАБУ.

Разумеется, соответствующее состояние коррупции в Украине можно свести к объяснению политической нестабильностью в государстве: политическая нестабильность делает возможной экономическую нестабильность на макро- и микроуровнях, а та, в свою очередь, – обуславливает коррупцию. Однако общеизвестно, что коррупция в той или иной мере имеет место в любом государстве, представляясь атрибутом природы большинства приматов (данные выводы можно связать с экспериментом с капуцинами по приобщению их к экономическим отношениям [2], проведённом учёными из Йельского ун-та в 2006 г.). Поэтому, акцентируем внимание на важности в этом вопросе именно уровня коррупции в соответствующем человеческом обществе, очерченном определённой территорией. Так не вызывает должных возражений тот факт, что политическая стабильность в государстве зависит от коррупции, а сама коррупция – от политической стабильности государства. Однако, следует заключить, что эта зависимость по своей сути – вторична. И показатель политической стабильности, и уровень коррупции, будучи связанными друг с другом, логично исходя друг из друга, одинаково обусловлены

цивилизованностью государства и уровнем достоинства (этот уровень указывает на то, насколько человек ощущает себя человеком) активной и пассивной части граждан. Несомненно, экономически неразвитые государства не могут продуцировать высокую цивилизацию, а чувство достоинства экономически угнетённого населения этих стран не предполагает уровня, соответствующего гражданам цивилизованных стран. Более того, с возрастанием показателей уровня жизни в цивилизованных государствах, можно констатировать тенденцию к самопринижению человеческого достоинства у граждан неразвитых и декларативно развитых стран. При всём том, обратим внимание на то, что самопринижённый человек не способен к эффективной экономической активности, обрекая себя на недостойное для человека существование. Т.е. первичным тут будет не влияние экономики на человека, а человека на экономику.

Итак, можем наблюдать некую закономерность, чем больше человек ощущает, осознаёт себя человеком, тем в большей степени будет его стремление к цивилизации, исключающее в нас многие привычные для нас (как для приматов) модели поведения. Нецивилизованность не способствует и, более того, блокирует импульс отторжения от низменных моделей поведения. Потому, дисциплинарные методы борьбы с коррупцией (как это имеет место быть в КНР) не могут принести должного долгосрочного эффекта в долгосрочной перспективе: правовое властное обеспечение реальности строгого административного или уголовного наказания за коррупционные действия оказывает позитивный результат практически моментально (потенциальные коррупционеры, избегая возможной юридической ответственности, будут дистанцироваться от коррупционной практики или даже участвовать в антикоррупционной политике), вместе с тем, время и статичность условий течения антикоррупционной политики позволяют потенциальному (таковым его делают условия) коррупционеру адаптироваться к новым условиям, и уже в этих условиях производить паразитарную практику (соответственно: реформы в свете такой антикоррупционной политики по существу сводятся к «ребрендингу» уязвимых в своём восприятии коррупции государственных органов; реформа обесценивается перемещением служащих, становясь «перестановочной реформой»). Так, несмотря на свою сравнительную экономическую выгодность (по сравнению с затратами на обеспечение: достойной жизни человека, прав и свобод человека, реально располагая которыми, человек ощущает себя человеком; просветительской деятельности т.д.) и быстроту достижаемости позитивных, но временных результатов, модель борьбы с коррупцией по принципу увеличения строгости наказания или же путём усложнения государственного аппарата специальными антикоррупционными органами – неполноценна, а также неизменно ведёт к возвращению к прежнему (или же к более высокому) уровню коррупции. Исключает возврат к низменному поведению чиновников – его отторжение, обусловленное «планкой цивилизации», высота которой, как мы уже указывали, устанавливается государством, путём постоянных затрат. Ввиду этого, достаточная борьба с коррупцией должна сводиться, с одной стороны, к

оцивилизованности граждан, а с другой – к административным мерам воздействия на человека путём установления справедливой юридической ответственности за коррупционные правонарушения и путём функционирования специальных антикоррупционных органов власти. При этом нужно учитывать, что позитивные результаты таких преобразований будут нами наблюдаться лишь в долгосрочной перспективе, к чему Украина, возможно, не будет готовой, принимая во внимание также «Крымский кризис» и нерешённость конфликта на некоторых территориях Донецкой и Луганской областей Украины.

Отметим, что подобные соображения по данному вопросу также высказывал украинский учёный Вл.А. Веклич (V.O. Veklych), обращая внимание на необходимости изменения самой системы общественных отношений в Украине, «поскольку политico-»правовые» реалии в значительной степени является поражёнными коррупционными явлениями», значительно затрудняя преобразования «в различных сферах общественной и государственной жизни страны» [1, с. 19]. Однако, следует уточнить, что общественные отношения в государстве являются отражением ментальности, правовой культуры и правовой сознательности участников соответствующих отношений (точнее – преобладающей их части). В свою очередь, ментальность, правовая культура и сознательность индивида отражает его уровень цивилизованности и самоуважения через призму человеческого достоинства. Посему, современная Украина должна концентрировать своё внимание не на изменении общественных отношений (снова-таки, увеличивая массу нормативно-правовых актов декларативного характера), а на изменении самосознания граждан (с тем, чтобы человек чувствовал себя полноправным членом человеческой семьи) и повышения уровня их цивилизованности.

Но возможно ли это в современной Украине? Согласимся с д-ром Э. Уилсоном (Andrew Wilson) в том, что Украина в большей степени является идеальной ареной для олигархического влияния, чем многие автократии в этом регионе. Олигархия аннулировала надежды Оранжевой революции на перспективные экономические и социальные реформы [2, р. 4], это же она уверенно осуществляет и в наше время. По показателям *CPI-2016* Украина разделила с Россией 131 место, что, среди прочего, указывает также и на фактическую идентичность уровня цивилизованности этих государств, а также на относительную одинаковость ощущения гражданами этих стран собственного достоинства. В это же время, иные постсоветские страны по данным *CPI-2016* являются либо образцом уровня восприятия коррупции (Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Грузия), либо, не являясь таковым, но делают в этом отношении некие успехи (Беларусь).

Принимая во внимание изложенное, отметим, что концептуальное отделение от советского прошлого, фактическое отделение от РФ в современной Украине, к сожалению, определяются лишь политическими заявлениями и географическим координатами. Вместе с тем, не преодолев коррупцию, переосмысливая саму борьбу с этим паразитарным явлением, а также, не обеспечив возможности для рассвета цивилизации в государстве, все реформаторские достижения украинской политики в перспективе будут

обречены на обесценивание. Ввиду этого, сам факт независимого, суверенного существования Украины от России, демонстрирующей свои евроазийские претензии, будет временным фактом, поскольку коррупция считается приоритетной угрозой национальной безопасности, прежде всего, из-за способности отчуждать неотчуждаемое, а, в частности, и само государство.

Список использованных источников:

1. Transparency International Corruption Perceptions Index 2016. London: EY, 2017. 12 p.
2. Chen M.K., Lakshminarayanan V., Santos L.R. How Basic Are Behavioral Biases? Evidence from Capuchin Monkey Trading Behavior. *Journal of Political Economy*. Chicago. 2006. Vol. 114. № 3. P. 517–537. DOI 10.1086/503550.
3. Веклич В.О. Політико-правові аспекти системи протидії корупції: до питання щодо її ефективності й функціональної значущості (спрямованості). Часопис Київського університету права. Київ. 2016. Вип. 4. С. 18–22.
4. Wilson A. Survival of the Richest: How Oligarchs Block Reform in Ukraine. ECFR Policy Briefs. London. 2016. № 160. P. 1–12.

Голютяк-Пенкальська М.В.
докторант юридичних наук,
Ягеллонський Університет у м. Краків

ЗНАЧЕННЯ ОБМІНУ ІНФОРМАЦІЮ В ПОДАТКОВОМУ ПРАВІ

Зважаючи, що серед основних цілей Стратегії національної безпеки України є забезпечення інтеграції України до Європейського Союзу шляхом проведення системних політичних і соціально-економічних реформ в Україні, широкомасштабної адаптації законодавства України до норм і правил ЄС та з огляду на важливість співпраці як між Україною та ЄС, так і між державами-членами Європейського союзу в податковій сфері, стає все більше актуальним дослідження питань, що пов’язані з обміном інформацією між податковими органами держав-членів Європейського Союзу у податковій сфері, здобуткам та проблемам, що виникають під час їх реалізації.

Регламент Ради (ЄС) № 904/2010 встановлює принципи, якими необхідно керуватися всім державам-членам Європейського Союзу під час взаємної співпраці між податковими органами цих держав у сфері обміну інформацією, контролю правильного застосування ПДВ у відношенні до трансакцій на внутрішньому ринку, боротьби з податковими шахрайствами, що пов’язані із ПДВ та інших дій, що врегульовані цим регламентом. Юридичні підстави для обміну різного виду податковою інформацією між державами-членами Європейського Союзу містять також договори про уникнення подвійного оподаткування [1, ст. 295, 305].

Вся система обміну інформацією побудована на трьохрівневій структурі органів, які мають повноваження обмінюватися інформацією та вчиняти інші